

ВОПРОС О РАБОЧЕЙ СИЛЕ В АНГЛИЙСКОЙ ФЕОДАЛЬНОЙ ВОТЧИНЕ XIII ВЕКА *

Проф. Е. Косминский

Для классической историографии английского манора, представленной такими именами, как Сибом, Мэтланд, Виноградов, вопрос о рабочей силе в домениальном хозяйстве не представлял особых затруднений. Доменальное хозяйство в основном базировалось на баршине вилланов, в первую очередь виргатариев и полувиргатариев, работавших со своим инвентарём. Анализ, или, вернее, описание, этой баршины в её различных формах и представляет главное содержание соответствующих отделов классических исследований о средневековой вотчине. Рядом с трудом обеспеченных землёю крепостных крестьян, работавших со своим инвентарём, отмечался труд постоянных дворовых рабочих, набиравшихся главным образом из среды тех же крепостных; дворовые работали при помощи господского инвентаря. Наконец, в горячее время нанималось некоторое количество рабочих из числа малоземельных крестьян (коттеров). Но в основном доменальное хозяйство обслуживалось баршинным трудом вилланов. В этом виден главную сущность манориальной системы.

«Так называемая манориальная система, — пишет П. Г. Виноградов, — в сущности, заключается в своеобразной связи между двумя аграрными организациями — поселением крестьян, обрабатывающих свои поля, и господской экономией, связанной с этим поселением и зависящей от доставляемого им труда. Община, уплачивающая взносы, фермеры, арендующие земли за ренту, рабочие без своего независимого хозяйства — все они могут быть подчинены какому-нибудь лорду, но эта связь не будет манориальной. Два элемента необходимы для создания манориальной организации — крестьянская деревня и обрабатываемая при её помощи господская экономия»¹. Кертлер определяет манор как «a practical working method of estate management by means of labour services»². Грас даёт такое определение манору: «Манор представлял владение сеньора с доменом, возделываемым работниками, у которых также были свои держания»³. Манориальную систему характеризует обработка домена несвободными рабочими руками.

Процесс коммутации постепенно подтачивает эту систему и заставляет доменальное хозяйство всё более переходить к наёмному труду. Но, каковы бы ни были взгляды отдельных исследователей на развитие коммутации в XIV в., XIII век, классическая эпоха манориального строя, считался временем господства баршинного труда.

* Эта статья представляет собой в незначительном сокращении новую, VII главу подготовляемого к печати 2-го издания книги «Английская деревня XIII в.» (1-е изд. 1936).

¹ Vinogradoff. *Villainage in England*, p. 404—405.

² Curtler. *The Enclosure and Redistribution of our Land*, p. 1.

³ Gras. *The economic and social history of an English village*, p. 12.

Результаты наших предыдущих исследований¹ заставляют нас заново пересмотреть эту привычную картину. Мы видели, что в ряде маноров совсем не было вилланов или их было очень мало; что денежная рента уже в XIII в. стала количественно господствующей формой ренты и в большинстве графств Англии барщинные работы вилланов играли второстепенную роль; что в Англии в XIII в. наблюдались значительная дифференциация крестьянства, образование весьма-многочисленного слоя мало-земельных, которые не могли прокормиться со своих наделов, и отслоение верхушки, которая не могла обходиться только своим трудом. Крепостные виргатарии и полувиргатарии составляли в общем всего лишь около $\frac{1}{3}$ крестьянства. Характеризуя мелкую вотчину, мы отмечали в ней совершенно второстепенную роль отработочных рент. На последних могла базироваться преимущественно крупная вотчина (и то не всегда). Мы наблюдаем в Англии XIII в. значительную площадь домениальной земли, которая не обслуживалась отработочными повинностями вилланов или обслуживалась далеко не достаточно. Нельзя забывать и богатых крестьянских держаний (особенно свободных), которые не могли обходиться без дополнительного труда. Наши источники не дают возможности точно учесть потребность феодальных вотчин, а тем более крупных крестьян, в дополнительном, небарщинном труде. Но всё же можно привести некоторые цифровые данные ориентировочного характера.

Трудно ответить на вопрос, каково должно быть соотношение между доменом и вилланской землёй, чтобы полностью обеспечить домен работой вилланов-барщинников. Но мы можем исходить из соотношения, существовавшего в крупных вотчинах, которые были лучше обеспечены барщинным трудом. Здесь размеры вилланской земли в среднем вдвое превышали размер домена (речь идёт, конечно, лишь о пашне). В таком случае в средней вотчине, где домен был лишь немногим меньше вилланской земли, вероятно, уже не хватало вилланских тягол для полного обеспечения домена барщинным трудом; тем более не хватало их в мелких вотчинах, где домен значительно превышал вилланскую землю. Припомним, что в средних и особенно мелких вотчинах барщины играли меньшую роль в повинностях вилланов, чем в крупных. Но, конечно, и крупные вотчины не всегда были достаточно обеспечены вилланской землёй. Особенно показательны в этом отношении вотчины цистерцианских монастырей.

В приводимой ниже таблице я делаю попытку установить приблизительные размеры домена, совсем не обеспеченного барщинным трудом вилланов или обеспеченного им в ничтожной степени. Я не делал сплошного подсчёта, но подсчитал более половины всех вошедших в Сотенные списки сотен, где возможен учёт домена (15 сотен из 28); мои подсчёты охватили 60% всех вотчин. Я выделил: 1) домены тех вотчин, где совсем нет вилланов (или вилланская земля ничтожно мала); 2) домены тех вотчин, где есть вилланская земля, но вилланы не несут никаких отработочных повинностей или несут их в ничтожно малом количестве; 3) домены тех вотчин, где есть вилланы и барщина, но в незначительном количестве, явно недостаточном для обработки домена. По моим подсчётам, в эти разряды попадает почти половина всего подсчитанного домена (точнее, 46%).

Таблица требует некоторых пояснений. Мы видим, что в крепостническом и барщинном графстве Гентингдоншир более половины вотчин и

¹ См. особенно «Английская деревня в XIII в.» (изд. АН СССР, 1935); «Английское крестьянство в XIII в.» («Учёные записки МГУ», «История». Вып. 41, 1940); «К вопросу о свободном держании» (сб. «Средние века», изд. АН СССР. М. 1942); «Мелкая вотчина в средневековой Англии» («Известия АН СССР». Серия истории и философии, № 4, 1944).

Домен, не обеспеченный вилланской барщиной

Графства и сотни	Домен без вилланов			Домен без барщин			Домен с ничтожными барщинами			Общее количество		
	число вотчин	домен в акрах	%	число вотчин	домен в акрах	%	число вотчин	домен в акрах	%	число вотчин	домен в акрах	%
Гентингдоншир												
Normancross	9	2 545	30	5	770	9	9	1 437	17	23	4 752	57
Leightonstone	7	1 133	12	11	1 193	12	7	2 045	20	25	4 376	44
Toseland	6	1 016	13	3	708	9	8	1 200	15	17	2 924	37
Hirstingdon	1	192		2	124		1	80		4	396	9
	23	4 891	16	21	2 795	9	25	4 762	16	69	12 448	41
Кембриджшир												
Chilford	12	1 917	28				9	2 540	38	21	4 457	66
Papworth	7	295	14	2	60	3	5	449	21	14	804	39
Longstow	9	1 227	20	7	526	8	8	1 162	18	24	2 915	45
Whitesford	3	215	7	2	81	3	10	1 558	48	15	1 854	57
	31	3 654	20	11	667	4	32	5 709	32	74	10 030	55
Оксфордшир (в виргатах)												
Banbury	3	12½	8	3	18	13	4	12½	8	10	43	30
Ploughley	8	27½	6	9	69½	15	1	6	1	18	103	22
Lewknor	—	—	—	4	39¼	25	3	16½	10	7	55¾	35
Wotton	2	36	7	9	39	8	3	16	3	14	91	19
Ewelme	7	53	28	3	22	12	8	36½	18	18	111½	58
(в акрах)	20	129 3 225	8	28	187¾ 4 697½	13	19	87½ 2 175	6	67	404¾ 10 095½	27
Уорвикшир												
Stoneleigh	18	4 698	58	8	889	11	11	1 897	24	37	7 484	79
Kineton	9	1 380	9	20	4 215	28	16	4 050	27	45	9 645	65
	27	6 078	26	28	5 104	23	27	5 947	25	82	17 129	70
По всем подсчитанным сотням	101	17 848	16	88	13 263	12	103	18 593	19	293	49 729	46

свыше 40% домена не обеспечено или мало обеспечено вилланскими барщинами; в Кембриджшире — 68% всех вотчин и 55% домена и в Уорвикшире — половина вотчин и 70% домена. Ещё выше процент не обеспеченного барщинами домена по отдельным сотням: он доходит в гентингдонширской сотне Normancross до 57%, в кембриджширской сотне Chilford — до 66%, а в уорвикширской сотне Stoneleigh — до 79%. Но это вовсе не значит, что остальные вотчины были достаточно обеспечены вилланскими барщинами. Таблица показывает не общую насыщенность вотчин вилланским трудом, а лишь наличие значительного процента мало насыщенных им вотчин. Высота этого процента по отдельным районам зависит не только от степени развитости барщинной системы в данном районе, но и от дифференцированности системы рент по отдельным вотчинам. В этом отношении показательны цифры для Оксфордшира, где барщинная система была развита меньше, чем в Гентингдоншире и Кембриджшире, но где барщина была более или менее равномерно распределена по вотчинам, между тем как в первых двух графствах мы находим резкое различие между барщинными (преимущественно крупными) и оброчными (преимущественно мелкими) вотчинами. Оксфордшир даёт в нашей таблице только 27% домена, слабо обеспеченного вилланским

трудом. Но и в остальных 73% мы редко наблюдаем полную обеспеченность им: преобладает приблизительное равновесие оброчной и барщинной систем, нередко встречается альтернативная система, при которой выбор между барщиной и оброком зависит от воли лорда. Мы должны иметь в виду, что такая альтернативность в виде практики «*venditio operum*» существовала и там, где источники показывают полное господство барщинной системы.

Таким образом, если несколько менее половины всего домена не было обеспечено вилланскими барщинами или было обеспечено ими лишь в очень малой степени, то это не значит, что остальная, «большая половина» была им достаточно обеспечена. Сколько-нибудь точные выкладки здесь невозможны, но мы имеем все основания предполагать, что большая часть потребности домена в рабочих руках не могла быть удовлетворена при помощи вилланской барщины.

После всего, что было сказано об особенностях мелкой и крупной вотчины¹, совершенно ясно, что потребность в небарщинном труде была гораздо сильнее в мелкой вотчине, с её относительно большим процентом домениальной пашни, с меньшей обеспеченностью вилланской землёй, со значительным преобладанием денежной ренты, со специфическим составом вилланов. Если крупная вотчина могла в основном базироваться на барщинном труде вилланов, эксплуатируя другие виды труда лишь в виде дополнения, то мелкая вотчина, несомненно, была, как правило, лишена этой возможности.

Мы можем подойти к вопросу о степени насыщенности домена вилланским трудом ещё другим путём, который позволит нам, к тому же, распространить наши наблюдения почти на всю Англию. Вопрос о том, насколько домениальное хозяйство обслуживалось отработочными повинностями вилланов и насколько оно нуждалось в дополнительном труде, может быть отчасти разрешён путём сопоставления размеров отработочных рент в каждом маноре с размерами домениальной пашни. Количество отработочных повинностей (в их денежной оценке), приходящееся на 1 акр домена, другими словами, общая оценка отработочных повинностей, делённая на число акров домениальной пашни, может до известной степени служить показателем насыщенности домениального хозяйства вилланской барщиной. Здесь, однако, перед нами возникает ряд трудностей, ставящих под вопрос значение полученных таким образом цифр. Прежде всего, какова мера насыщенности домена барщинным трудом? Какое количество барщинного труда, выраженного в пенсах, должно приходиться на акр домениальной пашни при достаточной насыщенности домена барщинным трудом вилланов? По расчёту Вальтера де Хенли, на каждый акр пашни приходятся следующие работы: три вспашки (каждая из них оценивается в среднем в 6 d.), бороньба — 1 d., прополка — 1 d., жатва — 5 d., возка — 1 d. Молотьба редко производилась барщинниками. Таким образом, на один акр приходится работ на 2 s. 2 d. Конечно, это очень высокая расценка. Надо прежде всего сделать скидку на двух- или трёхпольную систему, при которых половина или треть пашни лежала под паром. Акр пашни вспахивался три (а иногда лишь два) раза только под озимое, под яровое он вспахивался лишь один раз. Оценка пахоты акра в 6 d. очень высока; Сотенные свитки дают здесь 4—6 d. Так же высока оценка жатвы акра, которая в нашем источнике расценивается в 3—4 d. Вальтер де Хенли не даёт оценки засева, но засев обычно и не поручался барщинникам. Всё это позволяет нам уменьшить расценку Вальтера де Хенли вдвое и считать оценку работ, приходящихся на один акр, примерно в 12 d. Если мы примем в расчёт, что значительная часть пахоты производилась дворовыми рабочими — *carucarii*, *akermanni* — при помощи господского инвентаря, то цифру

¹ См. «Английская деревня в XIII в.», «Мелкая вотчина в средневековой Англии».

Графства	Средние размеры доминиальной пашни в вотчине (в акрах)	Средняя обеспеченность доминиального акра рабочими повинностями
Восточная группа		
Эссекс	292	2 ¹ / ₃
Сеффок	385	4 ³ / ₅
Норфок	152	6 ¹ / ₃
Кембриджшир	305	2 ¹ / ₂
Гертфордшир	351	2 ¹ / ₃
Гентингдоншир	344	6 ³ / ₈
Нортгемптоншир	[201 ¹]	[8]
Миддлсекс	597	2 ² / ₃
Линкольншир	164	4 ¹ / ₂
	300	4 ¹ / ₂
Южные Midlands		
Бедфордшир	245	1 ³ / ₄
Бекингемшир	184	4
Беркшир	402	1 ¹ / ₂
Оксфордшир	227	3 ¹ / ₄
Уорвикшир	243	2 ¹ / ₃
	262	2 ¹ / ₂
Северные Midlands		
Ретленд	[268]	Отработочные ренты не определяются
Лестершир	[291]	
Ноттингемшир	[207]	
Дерби	[108]	
	[217]	
Южная группа		
Серри	190	4 ³ / ₄
Сессекс	325	3 ⁵ / ₆
Гамшир	209	1 ⁵ / ₆
Дорсет	[196]	[11 ³ / ₉]
Вильтшир	[210]	[3 ¹ / ₃]
Сомерсетшир	[229]	[3 ³ / ₄]
Глостершир	[276]	[2]
Девоншир	[188]	[2]
	[228]	[27 ¹ / ₄]
Западная группа		
Герефордшир	221	[3 ³ / ₈]
Уустершир	[132]	[1 ³ / ₄]
Шропшир	[116]	[1 ¹ / ₃]
Чешир	[198]	[1 ⁴ / ₅]
	[167]	[21 ¹ / ₄]
Нортумбрия	220	3
Йоркшир	134	3 ¹ / ₄
Кент	201	1 ¹ / ₄

придётся ещё несколько снизить. Но, с другой стороны, мы должны помнить, что работами на господском поле не ограничивались отработочные повинности виллана: он должен был косить и убирать луг, стричь овец, нести ряд извозных повинностей, оценивавшихся иногда довольно высоко, копать каналы, починять постройки и т. д.; все эти работы вместе должны были составить немалую цифру. Если поэтому мы сохраним

¹ В скобки заключены цифры, полученные на основании незначительного числа случаев.

цифру в 12 d., как контрольную, то едва ли сделаем очень большую ошибку¹. Мы встречаем маноры, где отношение общей оценки барщины к числу акров домениальной пашни близко к 12 d. и показывает, таким образом, достаточную насыщенность домениального хозяйства барщинным трудом. Так, для манора Rowell (Нортгемптоншир) эрла Глостерского эта цифра выражается в 10 d; в маноре Bliburgh (Сеффок) она даже равна $23\frac{1}{4}$ d.; в маноре Sheringham (Норфок) — $31\frac{1}{2}$ d. Эти цифры взяты из Посмертных расследований; они представляют редкие исключения. Обычно соответствующие цифры ниже, часто много ниже 12 d.

Конечно, мы не должны упускать из виду, что имеем перед собой совершенно условные цифры, дающие лишь известный отправной момент для заключения о сравнительной степени обеспеченности отдельных вотчин барщинным трудом.

Посмертные расследования обычно позволяют довольно точно определить размеры домена, часто они дают возможность вычислить и общую оценку вилланских барщин в отдельных манорах. Помещаемая ниже таблица даёт средние размеры домениальной пашни в отдельных графствах, а также среднее соотношение между оценкой барщинных работ и числом домениальных акров.

Я сохранил ту разбивку графств на группы, которая была принята в «Английской деревне в XIII веке».

Я не склонен придавать этим цифрам большое значение. Но, как мне кажется, они отчётливо свидетельствуют об одном: домениальное хозяйство в Англии было совершенно недостаточно насыщено барщинным трудом вилланов, и это явление мы наблюдаем по всем графствам Англии. Наибольшую насыщенность мы видим в восточной группе, где, кстати, и самая высокая средняя для размеров домениальной пашни, но и в этой группе показатель насыщенности всё же очень низок. Наиболее высокие показатели дают графства Гентингдоншир, Нортгемптоншир и Норфок, но и здесь они много ниже принятой нами контрольной цифры. При этом надо отметить, что сравнительно высокая цифра для Нортгемптоншира создаётся лишь благодаря одному манору (Rowell эрла Глостерского) с высокими отработочными повинностями. Если исключить один этот манор, то средняя цифра для Норфока упадёт до $2\frac{1}{3}$ d. Это снова подкрепляет вынесенное ранее впечатление о крайне неравномерном распределении барщинного труда по вотчинам в большинстве графств. Но совершенно ясно, что, чем неравномернее распределены барщинные работы по манорам, тем меньше их роль в домениальном хозяйстве в целом, так как избыток барщинных работ в одном маноре не мог пополнять их недостаток в другом, оказывая, однако, влияние на средние цифры.

Мы находим очень низкие цифры насыщенности домена барщинным трудом в некоторых графствах, где в повинностях вилланов барщина играла видную роль. Кембриджшир является одним из наиболее «барщинных» графств, если рассматривать повинности вилланов. Но в нём имеется значительный домен, не обеспеченный вилланами или очень слабо ими обеспеченный.

У нас есть основания подозрительно относиться к цифрам, полученным из Посмертных расследований. Но в данном случае проверка их расчётами, основанными на материале Сотенных свитков, даёт положительные результаты. В частности, для Кембриджшира Сотенные свитки дают тот же показатель — $2\frac{1}{2}$ d.; для оксфордширских сотен я получил такие показатели: Bampton — $4\frac{1}{4}$ d., Chadlington — $3\frac{3}{4}$ d., Banbury — 3d., Thame — 1 d. Эти цифры не расходятся со средней цифрой, полученной нами для Оксфордшира по Посмертным расследованиям, — $3\frac{3}{4}$ d. В уорвикширской сотне Stoneleigh Сотенные свитки дают очень низкий показа-

¹ Здесь я отступаю от цифры, принятой мною в «Английской деревне в XIII в.» (стр. 148).

тель — $1\frac{1}{2}$ d., но в другой сотне, Kineton, обеспеченность домена вилланским трудом выше, так что средняя цифра для Уорвикшира в $2\frac{1}{3}$ d. не является расхождением. Не представляет неожиданности очень низкий показатель для Бедфордшира, поскольку Сотенные свитки обнаружили в этом графстве очень низкий процент вилланской земли.

Во всяком случае, анализ данных Посмертных расследований подтверждает наш вывод о недостаточной насыщенности домениального хозяйства барщинным трудом вилланов и позволяет распространить этот вывод на всю Англию. Но потребность в небарщинном труде не ограничивалась только доменом в тесном смысле слова. Крупное крестьянское хозяйство, несомненно, также нуждалось в батраках. Трудно учесть потребность в рабочих руках у крестьянской верхушки, как свободной, так и вилланской, не располагавшей вовсе крепостной рабочей силой или располагавшей ею в ничтожном количестве; но не считаться с ней мы не можем.

Как же удовлетворялась потребность деревни и прежде всего домена в рабочей силе? Каковы были её источники? Здесь трудны количественные сравнения, но я считаю возможным сделать уступку общепринятому взгляду и на первом месте поставить барщинную работу вилланов. Чтобы избежать недоразумений в дальнейшем, надо оговориться, что под барщинной работой понимаются здесь «обычные», регулярные отработочные повинности вилланов, преимущественно виргатариев и полувиргатариев, занесённые в манориальные описи и в составленные по их образцу правительственные расследования. Мы не должны при этом забывать, что эти повинности были очень неравномерно распределены по отдельным вотчинам и по районам и что они могли частично заменяться денежными платежами (*venditio operum*) и составляли непостоянную, колеблющуюся из года в год величину.

Рабы, *servi*, такие многочисленные в Книге страшного суда постоянные несвободные дворовые рабочие, не имеющие, как правило, своих наделов, не выступают так ясно в описях и отчётах XIII века. Термин «*servi*» делается равнозначным термину «*villani*» (*isti sunt servi de sanguine suo emendo* и т. д.). Но на господском дворе мы обычно находим, правда, не очень многочисленный, персонал постоянных рабочих, которые, возможно, хотя бы отчасти являются потомками прежних рабов¹. Почти в каждом маноре можно найти несколько плугарей (*akermanni*, *carucarii*), возчика, пастухов, доярку (*daya*). В маноре Forncett эрла Норфокского в XIII в. было 8—9 постоянных дворовых рабочих: 4 плугаря, возчик, коровий пастух, свинопас, доярка; на три или четыре месяца в году занимался рабочий для бороньбы. Временами появлялись и другие рабочие: *grangiarus*, *warenner*, вторая женщина, варившая еду для рабочих. Одно время к дворовым рабочим причислялся и мельник, правда, не живший при дворе². Трудно сказать, каково было личное состояние дворовых рабочих в Forncett. Они жили в «*domus famulorum*», им варила еду специально приставленная к этому делу женщина. Знаменитая инструкция Глостерского монастыря св. Петра рисует набор дворовых рабочих из числа «нативов» — вилланов (повидимому, не загруженных барщинной работой членов их семейств). Таким образом, поставка дворовых рабочих была одной из повинностей вилланов. Дворовые рабочие получали выдачи натурой (*liberationes*) и небольшую плату деньгами (*stipendia*). В Forncett *grangiarus* получал 1 квартал пшеницы каждые 8 недель, а *warenner* — каждые 10 недель; плугари и возчик получали по 1 кварталу ячменя каждые 12 недель, доярка и коровий пастух — каждые 14 недель

¹ Ср. Ashley. *Economic History*, v. I, p. 1, 32, 61.

² Davenport. *Economic condition of a Norfolk manor*, 24.

и свинопас — каждые 16 недель. Кроме того они получали на господском дворе овсянку, для чего отпускалось 12 бушелей овса. Деньгами возчики и плугари получали по 3 s., доярка и коровий пастух — по 1 s. В числе дворовых рабочих могли быть и рабы, и члены семей вилланов, и, возможно, некоторое число наёмных рабочих. Помимо своей специальной работы эти дворовые рабочие должны были выполнять и всевозможные иные работы на господском дворе. Глостерская инструкция специально предписывает следить за тем, чтобы дворовые не оставались без дела и, если они окончили одно, их надо немедленно ставить на другое. Дворовым рабочим принадлежала главная роль в пахоте, а также в засеве и молотьебе.

Учсть роль несвободных дворовых рабочих в обработке домена далеко не легко. Всё же, повидимому, они могли занимать видное место лишь в хозяйстве более или менее крупных вотчин, располагавших достаточным числом вилланов. Едва ли им могла принадлежать заметная роль в хозяйстве мелкой вотчины, которая, как мы видели, особенно нуждалась в небарщинных рабочих руках. Можно думать, что труд несвободных дворовых тесно связан с системой вилланских служб и представляет своеобразный вариант барщины, использующей не занятых на обычной барщине членов вилланских семейств.

Большие домены без вилланского труда мы встречаем в вотчинах цистерцианских монастырей. Но там вопрос о рабочей силе разрешался особым путём. Этот домен обрабатывался трудом «светских братьев», «конверсов» (*conversi*), получавших от монастыря кров, пищу и одежду и обязанных исполнять все хозяйственные работы. Кроме того на землях цистерцианцев встречаются так называемые *mercenarii*, жившие вне монастырских стен и не связанные обетами. Они получали клочки земли и кроме того арендовали землю дополнительно. Они не были прикреплены к земле и могли уйти, хотя на практике их удерживали недоимки, и, повидимому, они мало чем отличались от крепостных.

В мелкой вотчине полукрестьянского типа известную роль должен был играть личный труд хозяина и его семьи. Возможно, что и некоторые мелкие рыцари принуждены бывали иногда браться за плуг. Примеры такого рода знает европейская история.

Наконец, нам надо обратиться ещё к одному источнику рабочей силы, хорошо всем известному, всё возрастающее значение которого в последующие столетия всеми признавалось, но роль которого в эпоху господства феодальных производственных отношений, как мне кажется, никогда ещё не была оценена по достоинству. Я говорю о малоземельном крестьянстве, о коттерах в широком смысле слова.

Нам надо припомнить несколько цифр¹. Мы видели, что мелкие вилланские держания (5 акров и меньше) составляют 29% на территории, охваченной Сотенными свитками; вместе с ферделями они составляют 38% всех вилланских держаний. В восточной части этой территории (Гентингдоншир, Кембриджшир, Бедфордшир, Бекингемшир) они вместе с ферделями составляют 50% всех вилланских хозяйств, в Бекингемшире — 53%, в Кембриджшире — 57%. При этом, играя сравнительно скромную роль в крупных вотчинах, в мелких они составляют более половины вилланских хозяйств.

Ещё более выразительные цифры получены нами для мелких свободных держаний. Мелкие держания, в 5 акров и меньше, составляют 47% всех крестьянских свободных держаний, а вместе с ферделями — 59%. Большая их часть, составляющая 37% всех свободных держаний, — держания в 3 акра и менее. В Бекингемшире держатели мелких наделов и

¹ См. мою статью «Английское крестьянство в XIII в.». Ср. Г р а н а т «К вопросу об обезземелении крестьянства в Англии». М. 1908.

ферделей составляют 60%, в Бедфордшире — 66%, а в Кембриджшире — 80% всех крестьянских свободных держаний.

Если мы объединим свободные и вилланские крестьянские держания, то увидим, что из них половина — мелкие держания и фердели. Вилланские виргаты и полувиргаты, главные носители барщинного труда, составляют лишь треть общего числа учтённых крестьянских держаний (34%, а может быть, и несколько ниже).

На страницы описей не попадали совсем безземельные, не имевшие даже хижины, жившие у чужих в качестве батраков. О существовании таких безземельных мы узнаём лишь из случайных упоминаний в источниках. Их цифра, которую мы определить не можем, должна ещё увеличить категорию небарщинных рабочих.

При этом надо иметь в виду, что наниматься на работу принуждены бывали иногда не только коттеры и держатели ферделей, но и полувиргатарии и виргатарии. В Рамзейском картулярии (т. I, стр. 473) приводится случай, когда виллан-виргатарий нанимается в рабочее время к лорду «propter indigentiam». Роджерс в своих исчислениях бюджета крестьянина полагает, что свободный держатель 20 акров должен был прирабатывать подённой работой в страдную пору. Тот фунт стерлингов, который он, по Роджерсу, таким образом зарабатывал, и представлял избыток над необходимыми расходами.

Источником рабочей силы являлись также члены семей держателей, как крепостных, так и свободных. Часть крепостных должна была работать у господина в качестве дворовых рабочих, но часто могла наниматься на сторону. Виллан должен был уплачивать лорду небольшую пошлину, если его сын работал на стороне: *et si filius suus servierit alicui extarneo dabit domino suo duos carones per annum ad recognitionem domini*¹.

Предложение труда увеличивалось ещё и тем, что городские рабочие отправлялись во время уборки урожая на сельские работы. Равным образом жители северных и пограничных с Уэльсом районов, где преобладало скотоводство, в осенний сезон отправлялись на заработки на сельскохозяйственный юг, как об этом свидетельствует хотя бы знаменитый статут 25-го года Эдуарда III. Правда, это документ более поздний, появление его вызвано особыми обстоятельствами, но он ссылается на давний обычай: жители этих местностей «*puissent venir en temps Daust de laborer en autres Countes et salvement retourner comen ils soloient faire avant ses heures*».

Таким образом, перед нами два факта весьма крупного значения. Во-первых, барщинный труд вилланов не мог покрыть и половины потребности домена в рабочей силе, не считая уже потребности крупных крестьянских хозяйств; во-вторых, мы видим весьма многочисленные группы населения, которые не были обеспечены землёй и искали заработка. Вывод напрашивается сам собой: очевидно, «наёмный труд» играл в деревне XIII в. весьма крупную роль, несравненно более крупную, чем это показывают нам источники и чем это признавалось в исторической литературе. Должен здесь же оговориться, что я употребил выражение «наёмный труд» в условном смысле и что его действительное значение ещё потребует анализа.

Но если наёмный труд играл в XIII в. такую крупную роль, то почему это не нашло адекватного выражения в источниках, в частности в «*Ministers' Accounts*», где учитываются каждый пенни, каждый бушель зерна? Всем, изучавшим эти источники, известно, что расходы на заработную плату не играют видной роли в бюджете вотчины и притом эта статья расхода включает главным образом содержание и плату постоянным дворовым рабочим, значительная часть которых несла принудительную дво-

¹ *Rotuli Hundredorum* (Сотенные свитки). Т. II, стр. 463. В дальнейшем источник обозначается сокращённо: RH.

ровую службу. Леветт в своей работе «The black death on the estates of the see of Winchester» (Oxford Studies, V) приходит к выводу, что в манорах епископа Винчестерского накануне Чёрной смерти на заработную плату расходовалось сравнительно немного, особенно деньгами, причём жалование постоянным рабочим было традиционным и мало менялось. Плата производилась натурой, а также землёй, сбавками с ренты. У Леветт получается впечатление, что епископ мог бы удвоить и утроить расходы на заработную плату, не нанося заметного ущерба своим доходам (стр. 35—36). О том же она говорит в своей статье «The financial organisation of the Manor»¹; в ряде диаграмм (стр. 79 и след.) она показывает незначительность расходов на заработную плату, которая не могла оказывать влияния на доходность вотчины. То же отмечает Мэтланд: «Заработная плата составляла незначительную статью в отчётах»². Мы встречаем, правда, и другие показания источников. Так, Леветт отмечает, что в маноре Appledram (Сессекс) в 1286 г. было 23 постоянных рабочих.

Для нас не может быть неожиданным, что манориальные источники, в частности «Ministers' Accounts», отражающие порядки крупных, по преимуществу церковных, вотчин, дают мало сведений о наёмных рабочих и заработной плате. Выше уже было установлено, что крупная вотчина была лучше обеспечена барщинным трудом вилланов. В наёмном труде больше всего нуждалась мелкая вотчина, где вилланской земли было меньше, где среди вилланов большой процент составляли мелкие держатели, несшие незначительные барщинные повинности; где, наконец, денежная рента имела решительный перевес над отработочной. Но мелкая вотчина почти не оставила после себя следов в виде манориальных документов, и мы не можем надеяться найти здесь прямые свидетельства. Наши выводы поневоле должны носить косвенный характер.

Основным источником наёмной рабочей силы являлись, несомненно, мелкие держатели, коттеры и держатели ферделей. Они давно уже тревожат исследователей английской феодальной деревни, но всё ещё не стали предметом должного внимания и анализа. Причина здесь, несомненно, та, что и они, как и мелкая вотчина, оставили мало следов в источниках. Манориальные описи мало ими интересуются, они становятся суммарны и небрежны, когда доходят до мелких держателей. Держатели мелких наделов за мелкие ренты не играли заметной роли в системе феодальных держаний и рент, которыми главным образом интересуются манориальные и повторяющие их правительственные описи. Виноградов в своём главном труде, «Villainage in England», почти не касается вопроса о наёмном рабочем, как он не касается вопроса о рынке. Для него основная рабочая сила на домене — крепостные-барщинники. Говоря об обслуживающем домен персонале, он имеет в виду министерялов, включая, впрочем, в число их плугарей и возчиков. Но это дворовые, набираемые из числа крепостных; при этом Виноградов имеет в виду не крепостных коттеров, а младших или старших членов семьи, не занятых на барщине (elder or younger brothers as it might be). Наёмным рабочим в более прямом смысле в «Villainage in England» посвящено не более полустраницы. Виноградов указывает, что в сельскохозяйственных трактатах XIII в. и в приказчиных отчётах можно найти указания на существование наёмного труда. «Но эти явления надо считать исключительными и фактически началом нового развития»³. Здесь вопрос о наёмном труде опять-таки не связан с коттерами. Для Виноградова наёмные рабочие — это посторонние манору люди, outsiders. Гораздо больше внимания уделяет он бордариам и коттерам и их роли в манориальном хозяйстве в «Growth of the Manor». Он отмечает, что бордарии играли важную роль

¹ «Economic History Review». January 1927.

² См. «Collectes papers», II, 376.

³ Vinogradoff. Villainage in England. p. 321.

в хозяйстве манора, поскольку они поставляли главный контингент сельскохозяйственных рабочих и вели на своих земельных участках индивидуальное хозяйство, находясь в значительной мере вне общинной организации. Виноградов отмечает раннюю коммутацию коттерских повинностей. Он указывает, что излишек населения плуговых держаний размещался на коттерских держаниях, а последние доставляли недостающие рабочие руки и плуговым держаниям и домену. Так создавались перекрёстные течения, которые не отразились в описях, но которые оставили, очевидно, результаты, едва ли объяснимые другим способом. Больше всех внимания уделил этому вопросу Гранат в своей книге «К вопросу об обезземелении крестьянства в Англии». Гранат подчеркнул многочисленность этого класса в феодальной Англии и его роль в качестве «пролетариата», «наёмных рабочих». Но, развивая свою основную мысль об исконном делении английского крестьянства на «крепких», или «богатых», крестьян и на сельский пролетариат, он рассматривал коттера главным образом как батрака в хозяйстве виргатария, мало обращая внимания на его роль в вотчинном хозяйстве. Эта роль не была ясна Гранату, поскольку он не представлял себе потребности домениального хозяйства в рабочих руках, стоя в вопросе о роли барщинного труда на традиционных позициях. При этом его интересовали в первую очередь особенности коттера как «пролетария», которого только оставалось перевести из земледелия в промышленность; специфика коттера в феодальной системе хозяйства им не выяснена. Некоторое внимание на судьбы коттера обратил Липсон в своём труде «Экономическая история Англии». Значение коттеров в вотчинном хозяйстве отмечали и некоторые из сотрудников «Victoria County History». Из новейших исследователей английской средневековой деревни больше всех подчёркивает важность вопроса о коттерах Беннетт¹, отметивший огромную роль этого слоя как источника свободного или полусвободного наёмного труда как в домениальном, так и в крестьянском хозяйстве. Виргатарий без взрослых сыновей, вдова с малолетними детьми, держатель, обременённый тяжёлыми повинностями, не могли управиться с хозяйством без дополнительной рабочей силы; господский домен требовал как поённой, так и посезонной работы: все они готовы были предоставить работу коттеру. Беннетт подчёркивает ряд своеобразных черт в положении коттеров; на этом нам ещё придётся остановиться.

Как ни велика была потребность английской деревни XIII в. в наёмном труде, но многочисленность малоземельного крестьянства, особенно в некоторых графствах (в Кембриджшире, например), заставляет нас думать, что оно жило не только земледельческим трудом. У нас есть основания предполагать, что часть мелких держателей была занята ремеслом или другими неземледельческими промыслами. Не лишено интереса то обстоятельство, что в тех графствах, где мы наблюдаем особое развитие мелкого крестьянского хозяйства в XIII в., в XIV в. возникает домашняя промышленность, особенно шерстяная (тот же Кембриджшир). Возможно, что начало этого развития относится уже к концу XIII века. Если городские рабочие отправлялись на сезонные работы в деревню, то и деревенские отправлялись в город. Но несомненно, что сельскохозяйственные работы составляли главное занятие деревенских коттеров.

Чем жил коттер? — спрашивает Беннет. Отвечая на этот вопрос, мы не можем игнорировать надела коттера, этой «натуральной заработной платы» непосредственных производителей феодального общества, как бы ни была она мала. У нас есть основания предполагать наличие известного слоя безземельных батраков, нанимавшихся погодно (*locati per annos*), но всё же типичным сельскохозяйственным рабочим остаётся малозе-

¹ Bennett H. Life on the English Manor, p. 63.

мельный крестьянин, со своим двором, огородом, небольшим участком пахотной земли, известными общинными правами, некоторым количеством скота, преимущественно мелкого. Известная часть потребностей коттера и его семьи, а тем более держателя ферделя, удовлетворялась доходами с его земли. Мы очень мало знаем о хозяйстве коттера, если не считать его размеров. А эти размеры, точнее размеры пахотного участка, могли не находиться в соответствии с его доходностью. При рассмотрении крестьянских бюджетов мы уже имели случай видеть, какую роль в крестьянском, в частности в мелкокрестьянском, хозяйстве могло играть животноводство, возможность выпаса на общинном пастбище¹. Рыболовство, охота, пользование лесом, разработка торфа и т. д. могли составлять для мелкого крестьянина важнейший дополнительный источник существования. Начавшийся в XIII в. (или даже ранее) нажим лордов на общинные права крестьян, захват исключительных прав на охоту и рыбную ловлю, на леса и пустоши должны были наносить особенно тяжёлые удары мелкому крестьянству, всё более делая невозможным его существование без дополнительного заработка (если оно было возможно раньше). Поход феодалов на общинные земли, встретивший сильнейший отпор у крестьянства и поддержку у правительства, всё более должен был поднимать значение надела как экономической базы коттера.

Но у коттеров едва ли всегда были права на общинные земли. Эти права находились в связи с держаниями в пахотных полях. Но у коттеров сплошь и рядом не было владений в пахотных полях деревни. Беннетт подчёркивает происхождение коттерских хозяйств из мелких заимок (*assarts*) в лесах и пустошах, из сдачи лордом новопришельцам мелких, неудобно расположенных клочков домена за мелкие ренты². Коттеры стояли в значительной степени вне общинной организации, вне системы открытых полей, общинной чересполосицы, принудительного севооборота, совместных плуговых запряжек, вне обычной рутинной хозяйственной жизни общины, да отчасти и вотчины. Их барщинные работы были по большей части незначительны: не располагая рабочим скотом, они не могли участвовать в главных видах отработочных повинностей. Наряду с прекариями — обычными повинностями коттеров — Беннетт отмечает некоторые обязанности, выполнявшиеся, как правило, мелкими держателями: разбрасывать навоз, устраивать изгороди и канавы, гонять скот на базар и с базара, почищать постройки, строить новые хлевы и свинарники, убирать сено, вязать снопы и складывать их на возы, веять и молотить, приводить в порядок помещения на господском дворе перед приходом лорда и тысячи подобных же мелких работ. Мелким держателям поручалось стеречь воров и арестованных, ожидающих суда, и доставлять их в суд. Это было трудное и хлопотливое дело. Они должны были носить письма и повестки, извещать своих односельчан о прибытии управляющего и о собраниях курии, носить предписания лорда к его министериялам из манора в манор³. Иногда они должны были носить тяжести на спине (*portagium super dorsum*). Но обычно эти повинности были невелики и часто заменялись денежными платежами. Коттер стоял в значительной мере вне обычной деревенской и вотчинной организации.

Беннетт склонен видеть в этом преимущество коттера, предоставлявшее ему большую свободу. Этой свободе, думает Беннетт, мог позавидовать виргатарий, более обеспеченный, но обременённый тяжёлыми повинностями. Несвязанность с общинными полевыми порядками могла предоставить им свободу улучшать методы обработки, что было невозможно для виргатариев, связанных принудительным севооборотом. Наличие коттеров вообще содействовало освобождению крепостной деревни. Если бы

¹ «Английское крестьянство в XIII в.», стр. 132 и сл.

² Bennett. Op. cit., p. 66.

³ Ibid., p. 70.

не было коттеров, то была бы затруднена коммутация, возможная только при условии наличия относительно свободных рабочих рук.

Можно согласиться с Беннеттом, что коттер стоял в значительной мере вне общинной и даже до известной степени вне крепостной вотчинной организации, что он пользовался относительной «свободой» по сравнению с барщинником-виргатарием. Но можно задать вопрос: было ли это чистым выигрышем? Едва ли коттер обладал возможностью производить сельскохозяйственные улучшения на своём мелком клочке. Едва ли он выигрывал в том случае, если у него не было прав на общинном пастбище и в общинном лесу. Можно думать, что и на сельском сходе его голос не имел такого веса, как голос полнонадельного крестьянина. Резкая дифференцированность английского крестьянства заставляет нас задуматься над характером английской общины. Давно уже было указано, что это община не уравнительная, что держания стали частными владениями определённых семей. Но отсюда надо сделать некоторые выводы, касающиеся манориальной курии. В этой курии также заметна дифференциация. Присяжные обычно выбирались из числа зажиточных крестьян. Из их же среды выбирались те должностные лица вотчины, выбор которых предоставлялся курии, — староста (*praepositus*), его помощник (*mesor*). Все они составляли ведущую группу в галимоте и стояли друг за друга. Интересы крупных и мелких крестьян уже значительно разошлись, и не трудно догадаться, чьи интересы должны были страдать при столкновении. Опять приходится припомнить Михаила Старосту, который притеснял крестьян, заставлял их работать на него, отдавать ему в аренду или даже продавать по низкой цене свои надель, — и во всём этом его поддерживала своя партия в галимоте¹. Какого бы мнения мы ни были относительно того, насколько манориальная курия и манориальный обычай охраняли имущественные и личные права крепостного крестьянства, мы можем думать, что права коттеров они охраняли плохо.

Мне приходилось уже отмечать одну характерную черту в положении коттеров, а именно неясность в их среде грани между свободными и крепостными. Новейшая историография склонна игнорировать то различие между вилланом и свободным крестьянином, которому историки-юристы старшего поколения отводили центральное место в своих построениях. С ними нельзя вполне согласиться: между свободным крестьянином и вилланом, свободным и вилланским держанием имеется очень заметная разница, но она всё более стирается по мере перехода от полнонадельных крестьян к коттерам. Надо отметить, что и манориальные документы и правительственные описи часто выделяют коттеров в особую группу, наряду с вилланами и свободными держателями. Так называемый статут «*Extenta Maperii*» («*Statutes of the Realm*». I, 242—243) выделяет коттериев из других категорий крестьянства: «*item de libere tenentibus... item inquirendum est de Custumariis... item inquirendum est de coterellis qui cotagia et curtilagia teneant*». Это может показаться одновременным и непоследовательным применением двух разных принципов деления — по личному состоянию (или характеру держания) и по размерам держания. На самом деле здесь была полная последовательность: свободным держателям, вилланским держателям и коттерам принадлежала совершенно различная роль в манориальной системе, и с этой точки зрения между свободным и несвободным коттерским держанием существенной разницы не было. Коттеры-вилланы несли ряд отработочных повинностей, но обычно большая часть их ренты имела денежный характер. Указывалось, что именно незначительность коттерской ренты, её второстепенная роль в манориальном хозяйстве и являлась моментом, облегчающим коммутацию коттеру-виллану. Но и свободный коттер очень часто наряду с денежной

¹ Selden Society, II, 94—95.

рентой нес и отработочную (главным образом, в виде прекарий). По характеру ренты свободный коттер мало отличался от коттера-виллана. Надо ещё прибавить, что свободный коттер был фактически лишён главной привилегии свободных держателей — возможности отстаивать свои права в королевских судах. В этом отношении он приравнялся к виллану. К нему не применялось никакое «ехсертио», но платность процесса делала его недоступным для малоимущих разрядов свободного крестьянства. Свободный коттер был лишён также некоторых политических прав, хотя этому и был придан вид освобождения его от некоторых политических обязанностей. Я имею в виду хотя бы установленный в 1285 г. ценз для присяжных. Насколько мы можем представить себе этот мало оставивший следов в источниках мир крестьянской бедноты, — это нуждающаяся и бесправная масса, гораздо более бесправная, чем средние крепостные — вилланы, — причём и личная свобода и свободное держание не дают здесь существенных правовых гарантий и преимуществ.

Природа коттера выступает перед нами в двойственном аспекте. С одной стороны, он является объектом феодальной эксплуатации. Он держит землю от лорда, он уплачивает за неё ренту, несёт те или иные повинности. Но в то же время он нанимается на работу и получает заработную плату. Какой из этих аспектов является преобладающим? По Роджерсу, заработок рабочего высшей категории в деньгах и в натуре выражается примерно в 2 фунта 7 шиллингов 10 пенсов в год, считая, что работают также его жена и мальчик. Это очень высокая расценка, предполагающая годовой наём. Фригольдер, владеющий 20 акрами, по расчёту Роджерса, прирабатывает в страдную пору 1 фунт. Средняя оценка ренты несвободного коттера, считая и денежную и отработочную, составляет, по Сотенным свиткам, 2 шиллинга 1 пенс (1 шиллинг 4 пенса деньгами и 9 пенсов отработками). Если считать цифры Роджерса, относящиеся притом к более позднему времени (накануне Чёрной смерти), несколько преувеличенными, а цифру ренты сильно заниженной (в связи со многими различными дополнительными платежами)¹, то всё же сопоставление этих цифр не оставляет сомнения в том, что коттер в гораздо большей степени являлся «наёмным рабочим», чем феодально эксплуатируемым крестьянином. Но возможно, что это лишь так кажется и что эксплуатация коттера как «наёмного рабочего» не так уж далека от принудительной, феодальной эксплуатации, основанной на внеэкономическом давлении.

Мне кажется, надо различать эксплуатацию коттера администрацией манора, к которому он принадлежал, от его труда на стороне. Последний мог, хотя и с некоторыми оговорками, быть назван «наёмным трудом». Что касается «найма» в своём маноре, то можно думать, что здесь видное место занимали внеэкономические моменты. Трудно представить себе коттера — и свободный в данном случае мало отличался от крепостного — как «вольнонаёмного» рабочего. Манориальная администрация всегда имела возможность не выпускать крепостного коттера из пределов манора: он, как и другие крепостные, мог уйти лишь с её разрешения. Мы видим, что это право признавалось за манориальной администрацией государственной властью и что оно лишь подверглось некоторому ограничению в рабочем законодательстве Эдуарда III. Таким образом, манориальная администрация всегда имела возможность задержать в пределах манора нужное ей число коттеров или других не занятых на барщине лиц (сыновей, старших или младших братьев вилланов) и таким образом заставить их работать в домениальном хозяйстве, причём ни работа их, ни вознаграждение за эту работу не определялись никаким обычаем, не были занесены ни в какую опись. Можно ли применить к такого рода по-

¹ «Английское крестьянство в XIII в.», стр. 136.

рядкам наименование «наёмного труда» или же его надо квалифицировать, как изменённую форму барщины, но только в худшем виде, допускающем больший произвол, чем регулированные обычаем «*consuetudines*»? Основная разница заключается в том, что барщинник получает за свою работу «натуральную заработную плату» землёй, а эксплуатируемый коттер — отчасти землёй, отчасти натуральными выдачами, отчасти деньгами. Часть работ эксплуатируемого коттера в маноре и является барщиной в самом прямом смысле, установленной обычаем отработочной рентой за его надел. Но остальная часть? Здесь он находится в положении, близком к положению несвободного дворового рабочего, с той разницей, что он живёт на своём мелком наделе и работает (а равно получает вознаграждение) не круглый год, а лишь тогда, когда в этом есть надобность у маноориальной администрации. «Зарботная плата» эксплуатируемого коттера в таком случае гораздо больше напоминает *liberationes* и *stipendia*, получаемые дворовыми рабочими. Таким образом, коттер, эксплуатируемый в пределах манора, к которому он принадлежит, может рассматриваться как нечто среднее между феодально зависимым крестьянином и несвободным дворовым рабочим. Среди дворовых рабочих нам очень трудно различить свободных и несвободных, работающих на дворе в силу своей вилланской службы или в силу «найма». Положение тех и других в отношении содержания и вознаграждения, в сущности, одинаково.

Коттер, работающий в маноре своего лорда, одновременно платит ренту за свой надел и получает «заработную плату», т. е. *liberationes* и *stipendia*, за свою работу. Такое противоречие не создавало никаких затруднений для маноориальной администрации и представляло заурядное явление в вотчинной практике. Крестьяне, отбывающие барщины и платящие оброки за свои наделы, сплошь и рядом ставились на другие работы, не входящие в их обычные барщины, и за это делались соответствующие скидки с их рент. Такого рода скидки встречаются почти в каждом приказчищем отчёте. В манорах епископа Винчестерского староста получал за свою работу скидку с ренты в 5 s.; плугарь, пастух, кузнец, лесной сторож получали скидки от 2 до 5 s. Делались скидки и с барщин. Системы более или менее нормированных обычаем барщин и ничем не нормированного подневольного «наёмного труда» существовали в маноре рядом, взаимно переплетаясь и образуя гибкие комбинации, открывающие маноориальной администрации широкие возможности маневрирования. Принудительный «наёмный труд» выступает перед нами не только в работах коттеров. И тяглые крестьяне, выкупавшие свои барщины, обязаны были иногда «наниматься» к своему лорду, если он того потребует. Отказ от барщинной системы далеко не всегда означал полное исчезновение барщины, а скорее её видоизменение. В маноре Bishop's Waltham епископа Винчестерского после общей коммутации лорд сохранил за собой право на известные службы вилланов, но за плату: «*dominus habebit huius modi operarios ad liberationem et stipendia sua dum sibi placuerit*»¹. Свообразную форму оплачиваемого принудительного труда, комбинируемого с барщиной, мы можем видеть в системе барщины с харчами, барщины с угощением, игравших видную роль во многих вотчинах. Харчи нередко «коммутировались» и заменялись денежным вознаграждением, иногда плата давалась землёй или натурой (сеном, бараном и т. д.). См. RH. II, 544: «*metet 4 acras pro precariis et habebit pro cibo preciarum 8 d.*»; RH. II, 788: шесть вилланов-виргатариев получают вместе во время сенокоса 15 d., во время жатвы — 6 d. В Stanton (Кембриджшир) двенадцать держателей наделов по 5 акров несут довольно тяжёлые барщины, но барщины эти не бесплатны: они получают за них кварталер пшеницы,

¹ Cp. Levett. Oxf. St. V, 20, 33.

овцу ценой в 12 d. и 1/2 акра луга. Оплата барщин бывает иногда довольно высокой и, в сущности, не отличается размерами от заработной платы: 25 вилланов в Pidington (Оксфордшир) обязаны косить господский луг в течение одного дня и за это получают так называемый *medsipe* — 40 d. *de bursa domini* (RH. II, 757). В сущности, это почти полная заработная плата 25 рабочих. Манориальное счетоводство иногда считает харчи или денежное вознаграждение полным эквивалентом барщинной работы и поэтому не вносит последнюю в общую оценку рент («*nihil operabitur nisi ad cibum domini*») и тому подобные выражения). Работа с харчами иногда считается «*nullius pretii*» и не идёт в счёт при практике «*venditio operum*» и при коммутации. «*Arure de precariis*» в Peasenhall, Suff, «*non appreciantur quia nichil dant*» (MA. 1003. 13. Ed. I). Встречаются случаи отказа манориальной администрации от такого рода барщин, так как они считаются бездоходными. Таким образом, барщины здесь приближаются к принудительным работам по «найму». Впрочем, генетически они связаны не с наёмным трудом, а скорее с дофеодальными помочами свободных крестьян-соседей.

Интересно, что обязанность лорда давать харчи во время барщинной работы рассматривалась как доказательство против вилланского характера данной работы¹.

В иных случаях рабочий-коттер мог включаться в систему барщинных работ взамен полнонадельного крестьянина. Здесь мы наблюдаем очень своеобразную комбинацию барщинного и наёмного труда. Хозяйство виргатария и даже полувиргатария часто не могло обходиться без батраков. Неблагоприятный состав семьи такого крестьянина при перегруженности работами в пользу лорда создавал необходимость в дополнительной рабочей силе. Батрак должен был не только работать на наделе крестьянина, но и заменять его на барщине. Иногда крестьянину-барщиннику предписывалось являться на работу «с одним, двумя, тремя людьми»; иногда манориальные и правительственные описи требовали, чтобы барщинник «нашёл человека» для исполнения той или иной работы («*inveniet unum hominem, duos homines*» etc.). Таким образом, оплачиваемый крестьянином батрак — всего вероятнее коттер того же манора — заменял его на барщине. Оплата батрака барщинником иногда прямо оговаривалась в описи: «*et inveniet unum hominem ad bondbederipam proprio custu*»². Вилланы в Kingstone должны были найти «*operarios*» для осенних работ в Foxtone (RH. II, 515). В перечислении повинностей вилланки Johana Vidua сказано, что она должна доставлять «*ad magnam precariam duos homines ultra quos ibit predicta Johanna ad videndum quod bene operentur*» (RH. II, 765). Иногда на барщину должны были являться мелкие держатели («подсуседки») вилланов³. Иногда и свободные держатели должны были являться на прекарию со своими батраками. Так, в Bircott (Оксфордшир) некий Hugo Frankeleyn, держатель 3 виргат, должен был платить своему лорду (епископу Линкольнскому) 17 s. и нести некоторые повинности, между прочим, «*debet invenire omnes servientes suos locatos per annum excepta uxore sua et nutrice et pastore in autumnno ad 2 precarias*» (RH. II, 748). Таким образом, без коммутации, при сохранении системы барщины, труд обеспеченных земель крестьян-барщинников отчасти заменялся трудом рабочих-коттеров. Наконец, мы встречаем и наёмных рабочих в собственном смысле этого слова. Это «*extranei*», «*vagantes*», как их называют источники, пришлые люди, нанимающиеся обычно посезонно. У нас нет оснований предполагать большую численность этой группы, хотя в неё входили и сезонные рабочие с севера и с запада и городские рабочие, приходившие в деревню на сезонные работы.

¹ См. примеры у Виноградова, «*Collectes papers*», I, 125.

² См. Петрушевский Д. Восстание Уота Тайлера, стр. 436, прим. 33. 4-е изд.

³ Ср. Гранат. Указ. соч., стр. 59.

Надо отметить, что мы не встречаем полного соответствия между потребностью домена в рабочей силе (насколько мы можем об этом судить) и предложением её в виде обилия мелких держателей по отдельным районам; это предполагает известные перемещения рабочей силы, хотя бы во время сезона уборки. Несомненно, в числе рабочих мы встречаем «*extranei conducti*», получающих содержание на тех же основаниях, что и свои рабочие, из своего манора, работающие на домене (ср. Cart. Rames. I, 473).

Если мы решаемся, наконец, этих «*extranei conducti*» назвать наёмными рабочими, то при этом надо сделать ряд оговорок. Мы можем говорить лишь о зарождении нового способа производства, поскольку наёмный рабочий всё ещё является одним из элементов феодального способа производства. Он часто несвободный человек, а если и свободный, то мало отличающийся от несвободного; он связан в своих передвижениях, в той или иной мере привязан к вотчине и к личности сеньора; несёт ряд повинностей в силу внеэкономического принуждения. Он не вполне оторван от земли: как правило, он малоземельный, его земельный надел, как бы мал он ни был, является одним из источников его пропитания и одним из условий, определяющих уровень его заработной платы. За свой надел он обязан платить землевладельцу феодальную ренту. Он выступает то как феодально зависимый крестьянин, то как наёмный рабочий. Он работает рядом с несвободными дворовыми рабочими и получает такое же вознаграждение, мало отличающееся от них по социальной характеристике. Наёмный рабочий всё ещё тесно связан с феодальным производством. Надо, конечно, заметить, что сельскохозяйственный рабочий, как и сельскохозяйственное производство вообще, в большинстве стран и впоследствии долго сохраняют следы своего феодального прошлого.

Роджерс очень оптимистически смотрит на положение «наёмного рабочего» в XIII веке. Денежный заработок рабочего высших категорий — плугаря, возчика и т. д. — до Чумы составлял 7 s. 6 d. в год. При этом он получал ещё выдачи зерном на 14.8., с некоторой надбавкой за сезон жатвы. Кроме того работали и получали содержание его жена и сын. Таким образом семья рабочего могла заработать 27.10 в год, что, по масштабам XIII—XIV вв. — вовсе неплохо. К этому надо прибавить, что рабочий имел участок земли за невысокую ренту, он пользовался общинными правами¹. Но Роджерс намеренно берёт лучше оплачиваемых рабочих и предполагает у них постоянный заработок. У нас нет оснований оценивать таким образом положение тех рабочих, которые оплачивались и кормились только во время работы.

По наблюдениям Роджерса, к концу XIII в. замечается возрастание заработной платы. Причины этого он видит в общем улучшении положения крестьянства, в коммутации, в росте крестьянской собственности, отчасти в распространении мануфактуры. Заработная плата была выше на востоке и около Лондона, чем в других частях Англии.

Можно сомневаться в том, что в Англии в это время наблюдалось общее улучшение положения крестьянства. Если наблюдение Роджерса относительно возрастания заработной платы правильно, то его надо было скорее связать с ростом цен на продукты питания.

Если у нас есть основания сомневаться в благополучии крестьян, обеспеченных наделом, то тем более сомнений вызывает нарисованная Роджерсом оптимистическая картина положения рабочих-коттеров. Наличие у них мелких клочков земли едва ли много содействовало их благополучию. Припомним, как Ленин рисует положение «наёмных рабочих с наделом»: «Ничтожный размер хозяйства на клочке земли и притом хозяйства, находящегося в полном упадке (о чём особенно наглядно сви-

¹ Rogers. A history of agriculture and prices, 1. 264 и сл.

детельствует сдача земли), невозможность существовать без продажи рабочей силы... в высшей степени низкий жизненный уровень — даже уступающий, вероятно, жизненному уровню рабочего без надела, — вот отличительные черты этого типа»¹. Сдача земли была, повидимому, распространённым явлением и среди английских коттеров XIII века. Если мы вспомним к тому же, что коттер являлся наиболее незащищённым и бесправным элементом в деревне; что на него обрушивались в первую очередь все невзгоды тогдашней жизни и, в частности, притеснения манориальной администрации; что его заработок зависел от лорда, который волен был отпустить или не отпустить его; что он был в конце концов по преимуществу объектом внеэкономического принуждения; что община, манориальная курия и манориальный обычай едва ли его защищали, а защита королевских судов была для него тем более недоступна, то перед нами начнёт вырисовываться довольно безотрадная картина. При обилии малоземельных, при спорадичности и неустойчивости спроса на рабочие руки в сельском хозяйстве, при общей необеспеченности жизни коттер едва ли мог прожить, не долгая, что могло создавать дополнительную зависимость от господского двора или от зажиточного односельчанина и становиться источником новых отработков. Припомним, что притеснения манориальной администрации выражались, между прочим, в требовании работы на полях представителей этой администрации. Повидимому, коттеру приходилось очень много работать и очень мало получать за свою работу.

На фоне знакомой картины крепостной деревни, где более или менее обеспеченные землёй крестьяне-общинники несут фиксированные барщины, пользуются охраной обычая и курии и имеют известные возможности для накопления, начинает вырисовываться совсем иная деревня, где почти половина населения лишена какой бы то ни было охраны, её работа никак не определена и не фиксирована, и она находится не на границе нужды, а, несомненно, в самой настоящей нужде. Такие часто ускользающие от нас явления, как «*venditio operum*», как замена несущего барщины полнонадельного крестьянина коттером, заставляют предполагать, что сравнительная роль регулируемых барщин и нерегулированного труда рабочих-коттеров была не такова, как нам раньше казалось.

Таким образом, в вотчинах XIII в. мы находим обычно комбинацию нескольких форм труда — в основном труда подневольного.

1. Прежде всего это система барщинного труда, система отработочных рент, в большей или меньшей степени фиксированных обычаем, отбываемых главным образом полнонадельными крепостными крестьянами-виргатариями и полувиргатариями. При этой системе эксплуатируется не только труд, но и инвентарь зависимых крестьян. Как основная система она выступает больше всего в старинных больших церковных и светских вотчинах крупных феодалов. Часть феодальной ренты отдаётся зависимыми крестьянами в виде натуральных или денежных взносов, часть барщин ежегодно «продаётся», т. е. заменяется денежными платежами.

2. Другая система, тесно связанная с первой, — система дворовой службы. Повидимому, основной контингент рабочих рук берётся здесь из вилланских семейств и притом на время (на год). Вероятно, наличие некоторого количества постоянных слуг. Здесь работа производится при помощи господского инвентаря. Рабочие живут на господском дворе и получают там прокорм, выдачи натурой (*liberationes*) и денежное вознаграждение (*stipendia*). Повидимому, эта система применялась также преимущественно в крупных вотчинах, располагавших значительным количеством вилланов.

3. Система принудительного «найма», падавшая, повидимому, пре-

² Ленин. Соч. Т. III, стр. 129.

имущественно на коттеров. Распространение её мы вправе предполагать главным образом в мелких вотчинах, где первая система не играла определяющей роли. В тех манорах, где не было полноценных вилланов или где отсутствовали или были незначительны барщинные повинности, эта система могла играть основную роль. Но и в крупных «барщинных» манорах её роль была гораздо более значительной, чем это можно заключить из манориальных и правительственных описей.

4. Наконец, нельзя игнорировать начало развития наёмного труда в прямом смысле, протекающего в условиях господства феодального способа производства, но уже заключающего в себе элементы капиталистической эксплуатации.

Ни одна из этих систем не выступает в XIII в. в чистом виде, а всегда в более или менее гибкой комбинации. Кажущаяся неподвижной и рутинной система фиксированных барщин обладала на самом деле значительной гибкостью благодаря практике господства «*venditio operum*», возможности заменить любые работы денежными платежами и возможности заменить барщинный труд «наёмным» (в условном смысле) в тех размерах, в каких это требовалось. Сельскохозяйственные рабочие *quandoque accrescunt et quandoque decrescunt*¹. Сельскохозяйственные трактаты XIII в. отметили это сосуществование нескольких систем организации труда. Вальтер де Хенли говорит в основном преимущественно о труде вилланов-барщинников и постоянных дворовых рабочих — неясно, вилланов или свободных, — но анонимный трактат «*Hosebondrie*» специально поднимает вопрос о наёмных рабочих, которым надо платить денежную заработную плату, сопоставляет систему сдельной и подённой оплаты. Парижская рукопись, изданная Лакуром², говорит о найме постоянных (годовых) рабочих со стороны, от которых требуются рекомендация и поручительство³.

Бросим беглый взгляд и назад и вперёд, выясним, какова давность описанных форм и каковы были дальнейшие стадии их развития.

Только ли в XIII в. рабочий-коттер начинает играть крупную роль в манориальном хозяйстве? Достаточно поставить этот вопрос, чтобы вспомнить о бордариях и коттариях Книги страшного суда. Всем хорошо известны смущающие цифры этого источника: около 108 500 вилланов, около 82 тыс. бордариев, около 6800 коттариев, около 25 тыс. рабов (*servi*), около 23 тыс. сокменов, около 12 тыс. *liberi homines*. Бордарии и коттарии, малоземельные крестьяне, составляют, таким образом, свыше трети всего сельскохозяйственного населения. Если даже учесть, что в число бордариев и коттариев могло попасть известное количество ремесленников, рыбаков и т. д., то цифра всё же остаётся достаточно выразительной.

Какие перемены можно здесь констатировать между XI и XIII веками? Мы можем сопоставить по отдельным графствам цифры для Книги страшного суда и для Сотенных свитков. Конечно, такие сопоставления, как уже говорилось ранее, сопряжены со многими трудностями. Терминология обоих источников различна. Хорошо известно, что термин «виллан» означал в XI в. совсем другое, чем в XIII в., что в вилланах Книги страшного суда можно видеть предков не только вилланов, но и многих свободных держателей XIII в., что лица одного и того же состояния заносились в одном месте в разряд сокменов, в другом — вилланов и т. д. Термин «бордарии» исчезает из позднейших источников, исчезают также и «сервы», в том смысле, в каком этот термин употребляется в Книге страшного суда. Всё же приблизительное сопоставление возможно. Вот

¹ Neilson. Customary Rents. Oxf. St. II, 174.

² «Traité d'économie rurale. Bibl. de l'École des Chartes», t. II, 4 me serie. 1856

³ См. сб. «Агркультура в памятниках западного средневековья». Изд. АН СССР, 1956.

цифры важнейших разрядов населения по Книге страшного суда в тех графствах, которые охвачены Сотенными свитками.

Графства	Вилла-ны	Сокме-ны и liberi homines	Борда-рии	Котте-рии	Сервы
Кембриджшир	1 907	213	1 428	736	548
	39	5	29	15	12
Гентингдоншир	1 033	22	490	—	—
	79	1	20	—	—
Бедфордшир	1 829	107	1 132	—	474
	52	3	32	—	13
Бекингемшир	2 893	20	1 651	1 326	833
	43	—	25	20	11
Оксфордшир	3 545	26	1 889	—	963
	55	—	29	—	15
Уорвикшир	3 500	19	1 775	—	845
	57	—	29	—	14
Всего	15 607	407	8 365	2 062	3 863
	52	1	28	7	12

Мы, вероятно, не очень ошибёмся, если отнесём вилланов, сокменов и liberi homines к полнонадельным крестьянам, а бордариев и коттариюв — к малоземельным, хотя нам и неизвестно, где здесь проводили границу составители великой переписи XI в. и насколько она соответствует той, которую мы приняли в наших подсчётах материала XIII века. Но как быть с сервами? Если рабы (theows, esnes) англо-саксонской эпохи ко времени Книги страшного суда уже успели в значительной части превратиться в оседлых крепостных, то, очевидно, этот процесс завершился между XI и XIII веками. Но стали они полнонадельными крестьянами или коттерами? Последнее является более вероятным.

Сопоставим эти соотношения с теми, которые были нами ранее выведены для XIII века. Мы должны помнить, что таблица для XIII в. основана на выборочном материале и, таким образом, у нас нет полного территориального совпадения между сопоставленными районами.

В скобках взяты цифры со включением сервов.

Соотношение полнонадельных и малоземельных крестьян

Графства	ДВ	РН
Кембриджшир	44 : 44 (56)	28 : 72
Гентингдоншир	80 : 20	47 : 53
Бедфордшир	55 : 32 (45)	40 : 60
Бекингемшир	44 : 45 (56)	36 : 64
Оксфордшир	56 : 29 (44)	71 : 29
Уорвикшир	58 : 29 (42)	60 : 40
Всего	53 : 35 (47)	54 : 46

Как ни грубы и приблизительны эти сопоставления, они, мне кажется, позволяют сделать некоторые выводы. Важнейшим из них является тот, что отслоение малоземельного крестьянства в основном определилось уже в XI веке. К XIII в. оно значительно подвинулось вперёд в восточных графствах — в Гентингдоншире и Кембриджшире; в более западных — Уорвикшире и Оксфордшире — оно как будто мало изменилось или даже пошло на убыль. Впрочем, здесь возможны ошибки: вопрос потребовал бы более детального сопоставления по отдельным сотням и виллам. Очень

соблазнительно было бы общее приращение малоземельных хозяйств отнести за счёт посаженных на землю сервов; тогда получилось бы полное совпадение итоговых цифр. Но серваж был, как кажется, более развит на западе, между тем как главное приращение процента малоземельных мы наблюдаем на востоке.

Во всяком случае, перед нами факт крупнейшего значения для всей проблемы истории феодального способа производства в его английском варианте. Уже в XI в., а повидимому, и значительно ранее, в Англии был налицо очень значительный слой малоземельного крестьянства, вынужденного жить работой на чужой земле. Это факт давно известный, но мне кажется, что из него не были сделаны все выводы. Даже Гранат, специально занимавшийся этим вопросом, рассматривает его преимущественно под углом зрения «исконности» резкого деления крестьянства и развития «пролетариата». Но вопрос надо поставить несколько иначе. Мы должны констатировать, что английская феодальная вотчина складывалась и развивалась при наличии и росте многочисленного малоземельного крестьянства, являющегося постоянным (и растущим) источником рабочей силы. Невозможно представить себе, чтобы это наличие малоземельного крестьянства не влияло на ход развития феодальной вотчины и не создавало здесь специфической «деформации».

Нам уже приходилось раньше отчасти касаться вопроса о происхождении крестьянского малоземелья. Мы видели, что его нельзя рассматривать как результат разложения феодальной деревни под влиянием развития товарно-денежных отношений, хотя это развитие значительно усиливает процесс расслоения деревни. В основном картина отслоения малоземельных сложилась в Англии уже в XI в.; в этот период трудно говорить о разложении феодального строя, обычно говорят о его незавершённости.

Выяснялось, что мелкое держание возникает в процессе развития феодальной вотчины, нуждавшейся для правильной организации барщинной системы в определённом числе крестьянских дворов, снабжённых достаточным количеством земли и инвентаря. Ограниченность возможностей вотчины в этом направлении приводила к чрезвычайно медленному возрастанию числа вилланских дворов нормального типа и к образованию в маноре избыточного населения, наделявшегося мелкими держаниями, с незначительным инвентарём. Едва ли можно согласиться с Гранатом, что в этом процессе главную роль играли особенности английской почвы, требовавшей тяжёлого плуга и, стало быть, значительного числа рабочего скота.

Аналогичные явления мы встречаем и в других странах. В том же направлении должно было действовать и дробление свободного держания в результате разделов и отчуждений. С другой стороны, Виноградов показал, что тяготение к единонаследию характерно не только для вилланских, но и для свободных держаний и, таким образом, и здесь отслаивались малоземельные. Во всяком случае, уже в XI в. около 40% крестьянства, если исключить сервов, в изучаемых нами графствах принадлежало к малоземельным. Процент этот увеличился к XIII в., особенно в восточных графствах, преимущественно на усиленно мобилизовавшейся земле свободных держателей, но увеличение не очень значительно и говорит лишь о дальнейшем развитии уже сложившегося строя.

Какое влияние оказывало на процесс образования английской феодальной вотчины наличие многочисленного слоя малоземельного крестьянства, возможность находить рабочие руки среди бордариев и коттариев, а не только среди дворовых-рабов и снабжённых землёй крепостных? Можно высказать предположение, что эта возможность должна была в известных случаях задерживать развитие барщинной системы. В ряде случаев эксплуатация труда коттеров могла быть для феодала

выгодней, чем организация барщинного манора или эксплуатация рабского дворового труда. Впрочем, выбор той или иной системы или, вернее, той или иной комбинации трёх (или даже более) систем часто зависел не от соображений выгоды или рационализации, а от исторически сложившихся условий и возможностей. Так, организация барщинного манора предполагала возможность широкого наделения барщинников землёй. В типичных барщинных манорах земля вилланов обычно вдвое превосходила домен. Крупному феодалу, распространяющему свою власть на целые общины, легче было при организации вотчины отправляться от сложившейся организации крестьянской деревни и облагать её барщинными работами. Барщинная система требовала довольно сложной администрации, надзора, министериалитета, использования общинной системы в целях надзора над работой и круговой поруки; требовала особых форм принуждения, крепостничества. То же в значительной степени относится и к организации дворового труда, тесно связанного с крепостнически-барщинной вотчиной.

В ином положении должен был находиться мелкий вотчинник, располагавший ограниченными земельными владениями, очень стеснённый в распоряжении общинными угодьями, где его права переплетались с правами других вотчинников. Он не мог предоставлять барщинным крестьянам полные наделы, он, естественно, стремился выкроить из своей земли возможно больший домен, по возможности ограничивая размеры держательской земли¹. У него не было возможности заводить дорогостоящий аппарат принуждения и контроля. Да и власть мелкого вотчинника над населением, особенно в ту пору, когда он не мог очень рассчитывать на помощь государства, едва ли могла идти в сравнение с властью сильного духовного или светского лорда. Правда, мелкий вотчинник мог лично осуществлять функции контроля и принуждения, но, может быть, легче было иметь дело с забитыми и неорганизованными коттерами, чем с «крепкими» крестьянами-общинниками.

Труд коттера был выгоден для феодала тем, что он оплачивался не круглый год, как труд дворового рабочего, а лишь во время работы. Система коттерских держаний давала возможность получать ренту с плохих и неудобно расположенных частей домена, с мелких займок. При этом рента мелкого держания была сравнительно высокая, несмотря на свои незначительные абсолютные размеры. Виргата в 30 акров приносила гораздо меньше ренты, находясь в руках одного крестьянина, чем 10 коттерских участков по 3 акра. Если мы возьмём средние цифры, то вилланская виргата в среднем несёт повинностей на 0.10.8, а десять коттерских держаний — на 1.0.10, т. е. почти вдвое больше. И помимо этого с 10 коттеров можно было получить больше работы, чем с одного виргатария. Наличие значительного числа малоземельных крестьян в английской средневековой деревне давало возможность доминальному хозяйству обходиться без вилланской барщины или использовать её неполностью, лишь отчасти. Там, где отсутствовала барщина или она была незначительна, при господстве денежной ренты, у нас нет необходимости предполагать, что эта барщина была ранее, что она коммутирована. Вполне возможно, что в ряде маноров барщина не развилась вовсе или недоразвилась, всегда выступая в комбинации с трудом коттеров, который вовсе не означал развития капиталистических отношений и мог быть квалифицирован как труд подневольный. Таким образом, был возможен рост домена и доминального хозяйства помимо роста барщин и, во всяком случае, не в прямой с ним связи.

Может быть, благодаря этому в Англии мог сохраниться значительный слой свободного крестьянства, не знавшего барщины и от лёгких

¹ См. мою статью «Мелкая вотчина в средневековой Англии».

натуральных взносов перешедшего прямо к денежной ренте (о прекариях я не говорю). Может быть, благодаря этому вилланы не все и не всюду проходили через стадию тяжёлых барщин. Несомненно, с этим связана лёгкость коммутации — в тех случаях, когда коммутировались барщинные повинности.

Эксплоатация труда мелкого зависимого держателя не может быть названа капиталистической, она не является и типически феодальной. Морфологически она ближе всего к рабовладельческой и представляет переход от эксплуатации дворовых рабов к эксплуатации зависимых крестьян¹. Коттер получает такое же вознаграждение, как *servus* — дворovýй, — но в дополнение к этому имеет хижину и мелкий земельный участок. В мелком коттере элемент рабской эксплуатации доминирует; нетрудно установить ряд градаций — от раба до типичного феодального крестьянина.

Я вовсе не хочу сказать, что коттеры произошли от рабов, хотя наличие в их составе этого элемента, возможно, оказало известное влияние на социальное и экономическое положение коттеров.

С другой стороны, эксплуатация коттеров, не будучи капиталистической, сравнительно легко может перейти в таковую, значительно легче, чем эксплуатация феодально зависимого крестьянина, которого надо было ещё обезземелить, чтобы превратить в пролетария. Коттер уже отчасти лишён средств производства, он принуждён «продавать» свою рабочую силу. Эта «продажа» пока происходит в условиях феодального строя, но она легко может перейти в капиталистическую эксплуатацию, *stipendia* и *liberationes* могут стать заработной платой, и коттер может стать «оседлым рабочим», «рабочим с наделом», а потом и рабочим без надела, потому что его легко было согнать с земли. Основным моментом здесь был разрыв феодальной, внеэкономической связи между коттером и лордом манора, который являлся в то же время и «нанимателем» (хотя полуфеодальные связи между нанимателем и «оседлым рабочим» долго держатся в аграрной среде). Этот разрыв уже намечается у *extranei, vagantes, бродячих или переходящих рабочих*. В широком масштабе эта «антифеодальная» тенденция как будто бы выступает в «рабочем законодательстве» XIV в., ограничивающем права лорда манора по отношению к коттеру (или, точнее, всякому недостаточно обеспеченному землёй крестьянину): «*domini preferantur aliis in nativis seu terram suam nativam tenentibus sic in servicio suo retinendis ita tamen quod huius modi domini sic retineant tot quot sibi fuerint necessarii et non plures*»². Мне кажется, однако, что Д. М. Петрушевский сильно преувеличивал антифеодальную тенденцию этого предписания, не повторённого, к тому же, в дальнейших законах о рабочих. Ведь параграф этот, в сущности, ничего нового не вводил и имел целью закрепление существовавшего порядка и прежде всего охрану прав лорда. А отпускать излишних людей на заработки было в обычае и раньше. Едва ли можно согласиться также и с тем, что условия, созданные рабочему люду ордонансом и статутами, лишали его, в сущности, всех человеческих прав. У рабочего люда было очень мало «человеческих прав» и ранее, и это неправильное толкование связано с тем, что Д. М. Петрушевский сильно преувеличивал прежнюю свободу как виллана, так и мелкого свободного держателя, между которыми невозможно провести резкую разницу (в последнем с ним вполне можно согласиться).

¹ Связь здесь может быть и генетическая. Раб, как можно видеть из Книги страшного суда, иногда был связан с землёй. С другой стороны, и бордарий был связан с господским хозяйством, см. примеры у Виноградова «*Growth of the Manor*», 374, п. 12.

² Ордонанс 18 июня 1349 г., *Statutes of the Realm*, I, 307—308.

Несомненно, Чёрная смерть не создала рабочего вопроса в Англии. Она была лишь толчком, вызвавшим к жизни «рабочее законодательство». Я не буду поднимать здесь вопроса о роли Чёрной смерти в аграрной истории Англии, о силе и длительности её влияния на сложившиеся ранее манориальные порядки. Ряд исследований показал, что влияние это было очень разнообразно, что во многих местах оно было кратковременным и что крупные перемены, происходившие в аграрном строе Англии во второй половине XIV в., не имеют прямой связи с чумой 1348 года. Замечательное исследование А. Е. Levett «The Black death on the estates of the see of Winchester» (Oxford. St. V.) получило ряд подтверждений в специальных изысканиях, например Е. Robo «The Black death in the hundred of Furnham» (EHR, October 1929). Рабочее законодательство продолжало существовать и развиваться и тогда, когда о Чёрной смерти давно забыли. «Неизменно враждебное рабочему классу» рабочее законодательство являлось показателем всё большего вытеснения барщинной системы системой найма, растущего развития капиталистических отношений, причём, как это свойственно раннему капитализму, «наниматель» стремился закабалить «рабочего», подчинить его не только экономически, но и «внеэкономически» — через складывавшееся в это время в большую силу феодальное государство. Как уже отмечалось, призыв к рабочему законодательству, требование всё больших строгостей исходило от «общин», которые иногда противопоставляли себя в этом отношении лордам, крупным сеньорам. Именно в мелкой вотчине, где не получила развития барщинная система, происходило раннее развитие капиталистических отношений.

Рассматривая причины раннего развития капитализма в аграрной Англии, мы не можем пройти мимо того факта, что в этой стране очень рано, ещё до полного развития феодального строя, и, во всяком случае, при этом строе существовал значительный слой малоземельного крестьянства, работавшего на полях сеньоров (преимущественно мелких) и зажиточных крестьян, получавшего за это харчи и некоторую денежную плату, не подчинённого рутине барщин и манориального обычая. Повторяем, из этого слоя гораздо легче создавался новый класс наёмных рабочих, чем из полнонадельных крепостных крестьян, тем более, что его связь с манором была значительно слабее. Если предположить, что по крайней мере часть коттеров произошла от посаженных на землю рабов, если принять в расчёт, что в их положении много общего с положением рабов — потом дворовых рабочих, — то придётся и здесь, как уже много раз раньше констатировать, что сохранность дофеодальных порядков легко сменяется с разложением феодализма.

Коттер феодальной эпохи оставил нам мало следов своей жизни, своих настроений, идей. Нам трудно отличить его в общей массе крестьянских движений. Но всё же, мне кажется, мы можем найти его следы отчасти у крепостника Гауэра и в известной поэме Ленгленда, где автор трактует рабочих с точки зрения добродетельного нанимателя: не то место, где он глумится над гастрономической привередливостью рабочего, не желающего есть несвежие овощи и холодный обед, а такие места: «Его можно нанять только за высокую плату, иначе он будет браниться и оплакивать тот день, когда он сделался рабочим». Думаю, что многим рабочим и тогда, и раньше, и впоследствии приходилось оплакивать этот день. Но дело не ограничивалось оплакиванием: «Он злобствует на бога и ропщет на разум и проклинает короля со всем его советом за то, что они заставляют его исполнять такие законы, которые притесняют рабочих». Это звучит знаменательно. Рабочие ненавидят не только сеньоров и добродетельных хозяев, проповедующих им по евангелию и по Катону терпеливое перенесение бремени бедности, но и короля, и его совет, и законы, притесняющие рабочих.

Мы подошли вплотную к восстанию Уота Тайлера, в котором, мне кажется, есть возможность выделить идеологию малоземельного коттера, превращающегося в наёмного рабочего и страдающего прежде всего от малоземелья и рабочего законодательства, и идеологию обеспеченного землёй крепостного крестьянина, превращающегося в товаропроизводителя и тяготящегося больше всего крепостным правом и феодальной рентой. В центре восстания перед нами два графства с разной социальной структурой, с разными программами, с разной тактикой. Это крепостной Эссекс и «свободный» Кент. Именно Кент, где было мало вилланов, но много малоземельных, выдвинул наиболее радикальную программу социального и политического переустройства. Здесь имела большой успех проповедь Джона Болла, призывавшего к истреблению феодалов, к установлению общего равенства и общности имуществ¹.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

¹ См. мою статью «К вопросу о свободном держании» в сб. «Средние века». Т. I, стр. 63—65.